

Н.Н. ЩЕРБАКОВА

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: В статье анализируются проявления языковой игры в художественном поэтическом тексте на уровне грамматики; выявляются особенности грамматических игровых окказионализмов в художественном тексте.

Ключевые слова: языковая игра, грамматические окказионализмы, поэтический текст.

Исследование феномена языковой игры вызвало в своё время вопрос о правомерности использования прилагательного «языковая» в составе данного термина, поскольку «языковая игра – это форма деканонизированного речевого поведения говорящих, реализующая прагматические задачи коммуникативного акта с категориальной установкой говорящего на творчество» [Гридина 1996: 7]. Действительно, двуплановость создаваемой единицы, её одновременное соотношение и с языком, и с речью создавала базу для размышлений по данному вопросу, однако правомерность термина «языковая игра» для исследователей всегда была очевидна, поскольку любая игровая единица всегда связана с нарушением именно языкового канона, формирующего в языковом сознании индивида механизм упреждающего синтеза [Жинкин: 38]. Это особенно отчётливо проявляется в случаях языковой игры, связанных с использованием игрового потенциала грамматического строя языка.

Отметим, что данные явления в поэтической речи, как правило, связаны с появлением окказиональной лексики, создаваемой по известным языку деривационным моделям. Подобные образования обнаруживаем, например, в стихотворениях для детей:

Я сижу в песке, пока

Мама жарит блинчики.

Я из глины и песка

*Приготовлю глинячки.
Глинячки песочные,
Вкусные и сочные! (А. Усачёв. Глинячки);
Рёв слонов и мух жужжанье,
Топот, свист, мычанье, ржанье –
Звуки эти на заре
Записал я в Звукаре (А. Усачёв. Звукарик).*

Использование типовых деривационных моделей для образования окказионализмов *глинячки* и *звукарь* в данном случае имитирует одну из особенностей детской речи – создание новообразований – и в то же время является одним из приёмов, реализующих языковую игру.

В одном из поэтических текстов А. Усачёва обнаруживаем и такой приём детского словотворчества, как редеривация, при помощи которого от основы существительного *ботинок* создаётся окказиональное *ботин* с размерно-увеличительным значением:

*В лопухах лежит Ботинок,
Здоровнейший Ботин.
– Где, Ботинок, твой Братинок?
Почему лежишь один?
Вы друг с другом разошлись
И друг с другом не нашлись?*

Помимо игры с использованием деривационных особенностей языковой системы, в поэтических текстах обнаруживается имитация речевой ошибки на уровне образования формы. Как правило, тексты с подобными словоформами имеют ярко выраженную прагматическую установку, связанную с оценкой их неправильности, высмеиванием:

*Жил в нашем подъезде Иван Петушков.
Он был чемпионом среди чудаков:
Когда все гулять выходили в пальто,
Иван выходил в ПАЛЬТЕ.
А если знакомые шли в шапите.
Иван говорил: — Не пойду ни за что,
Чего я забыл в ШАПИТЕ!
Соседи под вечер стучат в домино,
Играют в лото или ходят в кино.*

*А он не любил ни ЛОТА, ни КИНА
И в руки не брал ДОМИНА!
Сидел себе дома Иван Петушков.
Уж больно Иван не любил шутников:
В МЕТРЕ ли поедет, возьмет ли ТАКСЮ –
Смеялись они над Иваном вовсю!
Смеялись –
В ПАЛЬТЕ ли он был,
Без ПАЛЬТА,
Смеялись
В КИНЕ, в ШАПИТЕ...
Зато не смеялся никто, никогда,
Когда он лежал на ТАХТЕ.
Уверенно влезет Иван на ТАХТУ:
– Да ну, – говорит, – эту всю ШАПИТУ! (А. Усачёв. Шапита).*

Неудачные авторские словоформы, как известно, становятся объектом пародирования, причём неудачная грамматическая форма становится тем элементом, который практически образует весь текст пародии: по данному образцу создаются аналогичные единицы. Так, пародия М. Лифшина «Трогательное» возникла как реакция на стихотворение Н. Красновой, содержавшее нехарактерную для литературного языка форму деепричастия (*Ем твою конфетку, фантик мян*):

*Почему, являясь на свидание,
Линию свою упрямо гня,
Ты меня не балуешь вниманием
И совсем не смотришь на меня...
И отдавшись грустным размышлениям,
Думаю, едя, пия, пиша:
То ли ты сильнее искушения?
То ли я не слишком хороша?*

Однако далеко не всегда нарушение грамматической нормы не связано с прагматикой осуждения речевого несовершенства, это мы наблюдаем, например, в следующем тексте:

*Я лежу на животе
С папиросою во рте,
Подо мной стоит кровать,
Чтоб я мог на ней лежать.*

*Под кроватию паркет,
В нем одной дощечки нет,
И я вижу сквозь паркет,
Как внизу лежит сосед.
Он лежит на животе
С папиросою во рте,
И под ним стоит кровать,
Чтоб он мог на ней лежать...
На своем лежит боке
С телевизором в руке.
По нему идет футбол,*

И сосед не смотрит в пол (И. Иртеньев. Вертикальный срез).

Формы *во рте*, *на боке* в данном тексте несут совершенно иную художественную нагрузку. Сравним хотя бы использование одной из этих форм в рассказе М. Зощенко «Аристократка»: *Съела она пирожное с кремом, цоп другое... Взяла меня эдакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах..., а она хохочет и на комплименты напрашивается. И ... берёт четвёртое. Тут ударила мне кровь в голову.*

– Ложи, – говорю, взад!

А она испужалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

Совершенно очевидно, что форма *во рте* в рассказе Зощенко – элемент речевой характеристики малообразованного персонажа, тогда как в тексте И. Иртеньева её употребление связано с необходимостью соблюдения рифмы, а использование просторечных флексий добавляет юмора стихотворению, построенному по принципу «бесконечных» текстов с повторами одного и того же фрагмента.

Вообще нарушение речевой нормы в текстах Иртеньева не сопровождается осуждением или насмешкой. Нарушение канона в его произведениях – это языковая игра в чистом виде, вводимая в том числе и для нетривиальной рифмы:

*На перекрестке встреться с Пьехой,
Не мог поверить я глазам,
Махнул рукой – давай, мол, ехай,
И Пьеха резко по газам!*

Наряду с просторечными, в одном из текстов И. Иртеньева обнаруживаются и архаичные, книжные словоформы, появление

которых обусловлено обращением к теме рока, неизбежности предначертанной судьбы в стихотворении «Василию Белову (другому)», написанном в духе чёрного юмора:

*Смешны подобные вопросы,
Когда, сокрытыя в тени,
Вращая тайныя колесы,
Шуршат зловещия ремни.*

Вырванные из контекста, эти строки производят впечатление вполне серьёзного пафосного размышления, которое нивелируется при сравнении со следующей строфой:

*Нам тайный умысел неведом
Того, в чьих пальцах жизни нить.
Однажды мы пошли с соседом
На хутор бабочек ловить.*

Особенно интересными представляются случаи нарушения языкового канона на уровне грамматических категорий и грамматических связей. Это явление обнаруживается, например, в иронической поэзии Игоря Иртеньева. Так, в начале его стихотворения «Попытка к тексту» обнаруживаем ситуацию комического эффекта, возникающего на базе намеренного нарушения видовых отношений глагола: *Снег падал, падал, падал – и упал.*

В грамматической системе русского языка глаголы *падать – упасть* (в значении «резко опуститься сверху вниз»), безусловно, составляют видовую пару, однако в данном тексте речь идёт об атмосферных осадках, а в этом значении указанные глаголы не являются видовой парой, в то же время автор моделирует контекст, провоцирующий актуализацию видовых связей.

Отметим, что контекстуальное окружение, синтаксическое построение фразы в ряде случаев играет решающую роль для создания игрового контекста, как, например, в этом случае:

*Бывают в этой жизни миги,
Когда накатит благодать,
И тут берутся в руки книги
И начинаются читать (И. Иртеньев).*

Фраза *начинаются читать* в норме звучит как *начинают читаться*, но автор экспериментирует с таким глагольным признаком, как возвратность, превращая банальную фразу в окказиональную не только ради рифмы, но и собственно ради язы-

ковой игры, при этом важно, что эти слова стоят рядом, именно это обстоятельство делает возможным и правильное понимание, и осознание факта языковой игры.

Синтаксически обусловленной является и окказиональная форма прилагательного *голуб* в следующем контексте с употреблением однотипно построенных двусоставных нераспространённых предложений:

Гляжу в окно. Какое буйство красок

Пруд – синь, лес – зелен, небосклон голуб.

Вот стадо гонит молодой подпасок,

Во рту его золотой сияет зуб (И. Иртеньев. Пастораль).

Художественный текст, таким образом, позволяет убедиться в неразрывной связи морфологического и синтаксического уровней языка в процессе создания грамматической игровой единицы и убеждает в несомненной корректности термина «языковая игра».

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М., 1958.

© Щербакова Н.Н., 2014